

М и х а и л К н и ж н и к

ДВА ЗАПОРОВСКИХ РАССКАЗА

КАРМАН НА ЖОПЕ

Люди, которые любят лазать по крышам и фотографировать с высоты называются «руферы».

Театр в Запорожье носил имя Николая Щорса, что уже было смешно. Неизвестно, успел ли за свою 24-летнюю жизнь побывать в каком-нибудь театре сын рабочего-железнодорожника из поселка Сновск, закончивший фельдшерскую школу, за год до смерти вступивший в партию большевиков, командовавший дивизией и, как говорят, убитый своими, выстрелом в затылок.

Располагался театр в здании сталинского классицизма на главном проспекте, на который весь город — от вокзала до плотины — был насажен, как на шампур. Назывался проспект, как и положено называться главной улице в областном городе. Весь облик театра намекал на московский Большой, такая скромная, провинциальная вариация на тему.

На фронтоне, там, где у Большого — квадрига и Аполлон, у нашего была трехфигурная манерная композиция. Посередине — дама, одна властная рука поднята, во второй то ли лира, то ли лавровый венок. Справа от дамы — парень в вышиванке и с бандурой, украинец должно быть. Слева — другой, нейтрального вида с книгой на коленях, наверно русский в представлении ваятелей. На тимпане заходится в гопаке группа, шагнувшая туда напрямиком из «Кубанских казаков».

В театре когда-то начинал Николай Гринько, любимый актер Тарковского, сыгравший Чехова, но оставшийся в памяти народной немудреным Папой Карло. Мама рассказывала, что в Запорожье длинный, худой Гринько был Патом. Его партнера, коротышку Паташона, я застал в театре. Нас часто из школы водили на спектакли. А Гринько я увидел на углу у 72-го гастронома, где всегда стояла

бочка с квасом. Он приезжал навещать свою маму, жившую в «театральном доме», на стене которого висела нечастая для Запорожья вещь — мемориальная доска. Здесь жил Магар, народный СССР, создатель и вдохновитель театра.

Кроме Магара был в городе еще один народный артист Союза — Трощановский, один из немногих официальных, утвержденных и завизированных Лениных на украинской сцене. Наши культпоходы в Щорса закончились печально. Трощановского-Ильича обстреляли жеваной бумагой из трубочек. Школу потряхивало с год.

Во всех спектаклях на краю сцены сидели две пожилые дамы и вязали носки. В зависимости от пьесы они были дуэньями в креслах или сельскими бабками на завалинке, но носки они вязали взаправду, то была нелишняя добавка в тощий актерский бюджет. Пребывание их на сцене не было художественным ходом, все знали, что когда-то они были пассиями всесильного хозяина Запорожья, а теперь — и всей необъятной империи под геронтологическим правлением. Их так и называли: «лённкины» и не могли ни уволить, ни отправить на пенсию.

Обычно в зале было, где упасть яблоку и другим фруктам, на которые щедра украинская земля. Но однажды я помню аншлаг. На вводе играл Юрий Яковлев, звезда вахтанговской сцены. Давали спектакль по пьесе Корнейчука «Пам'ять сердца». Иностранец, кажется итальянец, приезжает на Украину, где он воевал в партизанах, бред какой-то. И находит там женщину, в которую был влюблен. Итальянца играл Яковлев, он говорил на ломаном русском, все остальные — по-украински, но такое двуязычье, даже двух-с-половиной-язычье выглядело вполне естественно, особенно для юга Украины. Неестественным было другое. Когда Яковлев появился на сцене, моментально становилась видна пропасть в самом существовании, степени достоверности, органичности между ним и его партнерами.

Разница была так разительна, что даже я, пятнадцатилетний, это увидел и все понял. Это было похоже на чудо.

Остается загадкой, каким образом кинозвезда первой величины, ведущий актер одного из лучших столичных театров, обладатель диапазона от гротеска до трагедии, на вечер или два оказался в провинциальном городе, чтобы вестись в спектакль местного театра, идущий на другом языке. Денежная заинтересованность отменяется, театр Щорса — это вам не дворец спорта «Юность», не те масштабы.

Чтобы срубить по-легкому, собирают самый большой зал, показывают нарезку из любимых народом фильмов, рассказывают несколько театрално-киношных баек и отбывают восвояси. А тут репетиции, мизансцены... И все это, чтобы показать захолустному пятнадцатилетнему подростку, каким бывает настоящий театр.

Я вспомнил эту историю, когда увидел фоторепортаж «руферов», посетивших крышу запорожского театра им. Магара. Да, театр уже давно не носит имя фельдшера-комдива. Смельчаки взобрались на фронтон к потемневшей от времени и запорожского индустриального смога троице. Вблизи скульптуры оказались еще грубее и аляповатее. Но растрогала одна деталь: у «русского», того, что с книгой в руках, на брюках сзади тщательно вылеплен ремень, шлейки и задний карман, куда легкомысленные мужчины, вроде меня, суют бумажник. Я подумал об ответственности художника перед своим замыслом. О необходимости воплотить его, свой замысел, во всю силу отпущенного таланта, и даже, если знаешь, что произведения твоего во всей полноте, скорее всего, никто не увидит.

2013

«СТРЕКОЧЕТ ЛЕНТА, СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ...»

Если я скажу, что Запорожье — не самый киношный город, то мне, конечно, поверите. То есть, он совсем не киношный. Мне было 14 лет, я уже знал, что ВХУТЕМАС — это прежняя Школа вааянья, но любил кино. Самое интересное в этой любви, что была она абсолютно бесплотна. Как, впрочем, и многие другие любви в том возрасте.

Я знал наизусть фильмы Чаплина и Кулешова, Бунюэля, Антониони, Куросавы, не видел ни одного из них. Я знал, кто такие Юрий Желябужский и Владислав Старевич, кто снял «Кабинет доктора Калигари». Я знал, что брат одного из четырнадцати туркестанских комиссаров, памятник которым стоял в Ташкенте на вокзале, был режиссером, сыграл роль Пушкина и погиб в Отечественную. Короче, вы уже поняли, что любовь та была горячечной и бестолковой.

Багаж виденных фильмов большого кино легко пересчитывался на пальцах. Их было мало, но там были жемчужины и редкости. «Набережная туманов» Карне и Превера, «Девушка моей мечты» на каком-то полуподпольном сеансе, про который я еще расскажу, голливудский «Человек с тысячью лиц», подверстаный на том же сеансе к Марике Рёкк. Была предпоследняя полнометражка тогда еще живого Чаплина «Король в Нью-Йорке», на которой я подсказывал ему реплики.

Еще был фильм Тарковского, и с ним — отдельная история. Существовал в Запорожье такой кинотеатр — «Хроника». Располагался он не то, чтобы в проулке, а даже вроде бы во дворе жилого дома на задах главного проспекта, примерно на том уровне, где на проспект выходит гастроном, именуемый в народе «Дневной свет». Не нужно много фантазии, чтобы представить влипшую в янтарь слов мушку наивной радости 60-х от витрин, освещенных мертвенным светом люминесцентных ламп.

Кинотеатрик был маленький, размером с две трансформаторных будки, мест на сто, не больше. Показывали там мультики, документальное кино, днем водили школьников на фильмы о пионерах-героях.

Как-то проходя по проспекту, я увидел у «Хроники» афишу «Андрея Рублева». Афиши тогда были рукописные. При каждом кинотеатре существовал штатный художник, еженедельно беливший холсты и выводивший гуашью буквы. К тому времени мне было ведомо имя Тарковского, внятна полузапретность и полудоступность его фильмов, которые в городе вроде Запорожья оборачивались полной запретностью и недоступностью.

То, что мы с отцом, которого я воодушевленно потащил с собой, купили два билета в толпе, — а это все-таки была толпа, — оказалось настоящим чудом. Ведь была полная уверенность, что фильм покажут один день.

Не стану описывать своего потрясения, но скажу, что и сегодня я убежден в благотворности просмотра такого фильма подростком. Тешу себя иллюзией, что многие поступки, совершенные в жизни, и то, что делать не стал, было обусловлено увиденными тогда, в том возрасте, фильмами и прочитанными тогда книгами.

Фильм шел и на завтра, и через неделю, и через месяц. Не могу объяснить, почему никто из тех, кто должен был блюсти и не пущать, не возмущился, не поднял трубку, не отдал распоряжение. И почему

выбрали именно это — не новое и не последнее по времени произведение автора. Но и через два, и через три месяца у «Хроники» висела афиша «Рублева». Наверно, художник подновлял осыпавшуюся краску. Через месяц я посмотрел вторично, а через полгода — в третий раз. Свидетельствую: почти год в маленьком кинотеатре в 1976 году в центре Запорожья изо дня в день крутили полузапретный фильм Тарковского...

Но в то же время даже лояльные советские ленты, популярные до моего рождения, трудно было найти. Чтобы посмотреть «Когда деревья были большими», пришлось убегать с уроков и тащиться через весь город в какой-то полуживой ДК. «Карнавальную ночь» и «Дело было в Пенькове» увидел взрослым. «Весну на Заречной улице» видел, но она мне не нравилась за статичную сталинскую стилистику. Мама рассказывала, что фильм снимали в Запорожье, и испытывала к нему сантименты собственной юности.

Вдруг стало известно, что в Запорожье приезжает Иосиф Хейфиц снимать картину «Мечта о Тихом океане» по рассказу Нилина «Дурь». Хейфиц к тому времени отделился от своих «депутатов Балтики» и стал достаточно тонким экранизатором Чехова.

По городу прошла взволнованная рябь. Приехал Золотухин и стал выступать с творческим чесом в домах культуры и кинотеатрах. На кафе «Снежинка», известном злачном месте, стекляшке в старой части, известном под названием «Сугроб», повесили капитальную неоновую вывеску «Уют». Я метался по городу в надежде увидеть съемки, но они ускользали от меня.

Влекущий киношный мир поманил меня в месте неожиданном.

Моя мама имела обыкновение просматривать все «толстые» журналы, выходившие в стране по-русски. Не только «Новый мир» и «Знамя», но и те, что выходили на окраинах империи: «Сибирские огни» или там «Литературная Армения». Поэтому, может быть, я особо сожалел, что мамы уже не было, когда мое имя стало появляться в тех, главных «толстяках». Оказавшись в новом месте, она моментально заводила знакомство с местной библиотекаршей, которое в силу маминого обаяния быстро переходило в приятельство. В запорожский период жизни, в роли

целебного источника выступала библиотека завода «Прибор», располагавшаяся в обычной квартире на Анголенко, как раз над кинотеатром «Комсомолец». Заправляла там Стефания Николаевна, женщина строгая, властная, с суровым скифским лицом и таким же суровым акцентом уроженки западной Украины, столь отличным от певучей языковой неразберихи, на которой говорят в Запорожье. Кстати, название такого языка — «суржик» — означает еще и зерновую пересортицу, перемешанные злаки разных видов. Я видел, как светлело лицо Стефании Николаевны и мягчел резкий голос, когда приходила моя мама. Когда же по маминему поручению я приходил один, то скифская баба оставалась, как и прежде — каменной.

Она и рассказала в один из наших приходов, что буквально перед нами приходил Хейфиц, брал книги. И даже показала формуляр с размашистой подписью. Хотелось бы соврать про книги, которые брал маэстро, но не могу. Не помню. Помню только, что они никак со снимаемым фильмом были не связаны. Рассказ Павла Нилина я к тому времени прочел, и большого впечатления он на меня тогда не произвел.

Вот, собственно и все. Ни Хейфица, ни съемок я так и не увидел. Библиотечный формуляр у Стефании Николаевны не выклянчил. Высоцкий тогда не приезжал. Его доснимали позже. Он приедет через два года с концертами, и я был на них, два дня подряд завороченно ходил.

Фильм мы смотрели с мамой. Он сменил рабочее название на «Единственную». Запорожья там было мало. Только Золотухин подходил к витрине «Сугроба»—«Уюта», сложив ладони у лица, заглядывал, а внутри видел «Маричку», фундаментальный ресторан, расположенный на противоположной стороне проспекта Ленина.

Фильм мне не понравился, раздражил. Простонародная тяготи́на. Что-то мешало, простые поступки героев как-то не складывались в ясную картину. Только голая спина Прокловой впечатлила. Да оно и понятно.

Из «Зирки» мы шли пешком. Возле недавно построенной библиотеки стояли фанерные силуэты, в которых угадывался Горький. Потом я узнал, что так примеряют памятник к месту.

Я высокомерно бурчал, что после картин по «Даме с собачкой» и «Дуэли» нельзя снимать такое фуфло. Долго бурчал. Потом мама сказала:

— А, по-моему, это про то же самое, что и «Дама с собачкой». Про невозможность подчинить любовь рациональному расчету.

И все сразу стало на свои места.

2014